

Слова Розанова похожи на то, что говорится в опубликованных уже и, конечно, знакомых ему суждениях Достоевского в письмах Страхову (портрета Страхова в записной книжке Достоевского, где о тех же «семинарских» чертах Страхова — литератора и человека сказано несравненно резче, естественно, Розанов не знал). Однако Страхов в письме вспоминает не эти суждения Достоевского, а один совет Толстого, прозвучавший семнадцать лет назад, и поразительно, как четко, огненными словами запечатлелся он в душе критика: «Не правда ли, что это сходится с Вашим советом — рассказывать себя, выйти перед читателем без мундира и без орденов?»¹⁴⁵

Впрочем, Страхов вспомнит и Достоевского, свои слова о нем в письмах Толстому. Еще раз подчеркнет отличие своей «скромной» натуры от себялюбивой и надменно-самоуверенной, как ему представлялось, натуры Достоевского (тот почти неизменно был своего рода ориентиром, точкой отсчета в исповедально-автобиографических признаниях Страхова). Совет Толстого (равно и пожелания Достоевского, Розанова и других) Страхов вежливо, но убежденно отклоняет: «Об Вашем совете я прилежно думал и наконец сказал себе: Как странно! Они хотят, чтобы я перестал быть самим собою! Ведь моя объективность и есть выражение моего ума, моей натуры. Я не могу говорить о своих личных делах и вкусах; мне это стыдно, стыдно заниматься собою и занимать других своею личностью. Мне кажется всегда, что это не может быть для других занимательно, и потому я берусь за их дела, за их интересы, или рассуждаю об общих, объективных вопросах. Или еще иначе: у меня есть действительное расположение к скромности; я не считаю себя, как Руссо или Достоевский, образцами людей — напротив, я очень ясно вижу свою слабость и скудость, и потому высоко ценю всякую силу и способность других, а главное — ищу всегда общей мерки чувств и мыслей, а не увлекаюсь своими мгновенными расположениями, не считаю своих мнений и волнений за норму, за пример и закон».¹⁴⁶

Вновь Страхов, отличавшийся большим упорством и постоянством, повторил высказанное ранее в биографии (в мягкой форме) и в письме Толстому 1883 года (с обличительными и раздраженными интонациями) свое крайне субъективное и недоброжелательное мнение о Достоевском — писателе и человеке: «Достоевский, создавая свои лица по своему образу и подобию, написал множество полупомешанных и больных людей и был твердо уверен, что списывает с действительности и что такова именно душа человеческая. К такой ошибке я неспособен, я не могу не объективировать самого себя, я слишком мало влюблен в себя и вижу хотя отчасти свои недостатки».¹⁴⁷

Достоевский просто пришелся к слову и месту. Страхов поглощен почти всецело мыслями о себе, о своей индивидуальности, о своей «физиономии», о своем литературном стиле, органично связанном с характерными свойствами натуры. В сущности, он предпринимает энергичную попытку отстоять свою объективную позицию, несколько преувеличивая свои привлекательные стороны (то, что выгодно отличает его от влюбленных в себя Руссо и Достоевского): «Теперь возьмите все это вместе; мою стыдливость, деликатность, скромность — ведь это моя душа, положительная сторона моего существа, которую я сам ценю и всячески стараюсь поддерживать. Если она выразилась в моих писаниях, то тем лучше — у меня, значит, есть настоящее своеобразие, определенная физиономия и я готов радоваться упрекам Розанова».¹⁴⁸

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Там же. С. 909—910.

¹⁴⁷ Там же. С. 910.

¹⁴⁸ Там же.